

Экран и сцена -
1998 - апр (№18) -
с.16.

Командировка с делегацией Госфильмофонда в Париж случилась неожиданно и, честно говоря, некстати. Поездку эту в пору было б сдвинуть в любую сторону. Как было замечено не в бровь, а в глаз – нынче в Париж скатать, что в Малаховку.

Именно в первые дни апреля 97-го в Белье Столбах торжественно отмечалось столетие со дня рождения долгие годы бессменного директора Госфильмофонда – Виктора Станиславовича Привато. В свою госфильмофондовскую обитель должны были съехаться ее старейшие сотрудники, чьими силами архив и был создан. А на ветхом, но по сей день функционирующем административном корпусе, откуда бывший директор свыше тридцати лет руководил своим фильмофондом, должна быть установлена мемориальная доска в память и в честь Привато В.С., директора и вице-президента Международной Федерации киноархивов (ФИАФ).

И была установлена. Но только без нас, разъезжавших по Парижу и его окрестностям.

Конечно, чего греха таить, утешиться было чем. Посетить, к примеру, Французскую Синематику или встретиться с директором государственного Киноархива Национального Киноцентра Франции, нынешним Президентом той же ФИАФ госпожой Мишель Обер, уже посетившей в свою очередь Госфильмофонд. Повидать старых, милых сердцу друзей, заполучить новых.

Они-то, новые друзья из представительства Госфильмофонда в Париже (есть теперь и такое!), и обмолвились как-то в разговоре, что регулярно навещают живущую тут неподалеку в Нейи Соника Бо.

Чистой воды фантастика! Гром с ясного неба! Как и все, что выламывается из предписанного. Сказать, что в этом не было умысла, ничей режиссуры – не поверят. Скажут – подстроили!

Незадолго до того, перебирая международную госфильмофондовскую переписку еще приватовской эпохи, случайно наткнулся на написанное от руки и по-русски письмо, где почерк отправителя заведомо отрицал какое-либо сдерживающее начало. Уже в нем одном, как в песне, выхлестывалась стихия свободы, что в извечном неладу с нормами, ну хотя бы политекса.

Выученик советской эпохи, свидетельствую, что так письма не писали и ныне не пишут. Это же письмо было именно таким – без руля и без ветрил. В нем Соника Бо – такие письма способна писать она одна! – благодарила Привато за присланные советские фильмы для детей.

Так могли писать лишь институтки или бунтарки начала века – Серебряного века, – разлетевшиеся потом по всему свету или выжившие, но никак не из ума, а у себя на родине, если им удалось выжить. Именно так писала все свои без малого сто лет жизни долгие подголоски своей гениальной сестры Анастасия Цветаева. Вслед за сестрой даже в благодарности умевшая писать с императивом. Императивом своеволия! Благодарность, впрочем, от этого не была в ущерб.

Точно так же писала и Соника Бо в Белье Столбы. Писала своему, если не ровеснику, то сверстнику – через государственные границы и минувшие две трети XX века, не директору и советскому чиновнику, а равная – равному. “Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?” – это ее нимало не волновало. Никогда!

Возвращаясь в Париж наших дней, должен искренне поблагодарить наших друзей из парижского представительства Госфильмофонда – Наталью Михайловну и Володю Новиковых, – которые живо отозвались на мой отклик про Соника Бо. Последствий я не чаял, а они сказаться не замедлили благодаря им, друзьям. Назавтра Соника Бо ждала нас в назначенный час у себя дома. “Могла б и не принять, с нее станется”, – подумалось не без оснований, хотя и без повода.

Непредписанным был тот факт, что назначенный визит день в день совпал со столетним юбилеем Привато, ее вечного друга. Не боясь преувеличений, скажу, что Соника Бо ждала нас, печалуясь, как васнецовская Аленушка над ручьем. Что-то долго мы не едем! Уже один этот взгляд – “вся в оконной раме” – заставил нас в отсутствие парковки по всему Нейи оставить машину посреди единственной проезжей полосы на ее улице Берто Дюма и поспешить к заждавшейся хозяйке.

матрешка с родной пол-литрой внутри эффект произвела куда меньший, чем сам приезд. “Родные мои, вы для меня кусочек России и родной Украины!” – сказано было так, что лукавство со стороны хозяйки дома пришлося заведомо исключить.

Отнеся “Украину” за счет суффикса своей фамилии (что ей моя фамилия?!), я ошибся. Соника Бо, будучи Софьей Борисовной Кауницкой – сама родом с Украины, из Елизаветграда (не Зиновьевска, не Кирова и не Кировограда), оттуда, где “зимой по ночам так выли волки” – нараспев протянула она. Захотелось, чтобы они там выли до сих пор, ибо для Соника Бо это осталось едва ли не “песней песней”.

Опять же рискну предположить, что песней песней становилось все, чем бы ни вознамерилась она в жизни заняться.

Такой песней стал ее дом, в котором она нас принимала. “Это музей дурного вкуса” –

который она приняла у себя дома, не сменив по случаю домашний халат. “Совершенно не понимаю, за что они мне его дали, – недоумевает до сих пор Соника Бо, – я ведь ни с кем из них не спала...”

Впрочем, свидетельствую, она точно такой же свободной была и в Москве 1967 года во время V Международного кинофестиваля. Ее имя было на слуху и на устах у нас, вгиковских первокурсников. То, что нам казалось в ней эксцентричностью, по сути было ее свободой – естественной свободой самовыражения.

Общественными науками в нас уже успели вдолбить порочность анархизма, правда, забыли оговорить, что анархизм прежде всего отрицал право власти властвовать над тобой. Не будь отцом Жана Виго, знаменитый анархист Мигель Альмерейда, мы не знали б шедевров его сына. Что до Соника Бо, чей отец также был причастен к анар-

Que Viva Соника Бо!

Валерий БОСЕНКО

авторитарно заявила она еще в прихожей. Мое возражение, что, мол, лишь эстетский вкус единственно бывает дурным, Соника наперняка не расслышала. Она вообще склонна к возражениям, как бы сама ни провозгласила на них.

Этот домашний музей составила необъятная экспозиция подарков, поздравлений, памяток ее несчетных друзей-современников и благодарных зрителей.

“Мы с Анри Ланглуа...” – реплика, которой могла бы позавидовать вся “новая волна”, – не пустой звук в устах Соника Бо. Да, в освобожденном в 1944 году Париже они с Ланглуа заняли отбитый у фашистов дом, в котором по сей день располагается Национальный Киноцентр Франции.

Наверное, потому спустя полвека, министр культуры Франции господин Жак Тюрбон известил Соника Бо о награждении ее орденом Почетного Легиона в 1994 году, ко-

хизму, то на язык ей как дочери своего отца лучше не попадаться. Неважно, какого ты племени, причастен номенклатуре или нет, по ту или по эту сторону границы. В тогдашней фестивальной гостинице “Москва” она пролетала меж нами эдакой незаконной кометой среди расчисленных советских и просоветских светил.

Царя там и королевья – так не по-царски и не по-королевски! – Соника Бо не забывала между тем вызвать для себя главное. И в Союзе кинематографистов юный тогда Наум Клейман, отнюдь еще не директор Музея кино, а директор-куратор Мемориального музея-квартиры С.М.Эйзенштейна рассказывал ей, что восстановленный им с С.И.Юткевичем фотофильм “Бежин луг” Эйзенштейна вряд ли можно считать детским фильмом, несмотря на Степка и его сверстников.

А спустя тридцать лет, когда истекли ого-

воренные для встречи полчаса и машина на рю Берто Дюма давно уже была припаркована, она все не могла наговориться на родной мове. И трех часов ей оказывалось мало, чтобы рассказать про главное дело всей своей жизни. О том, как были счастливы дети – французы ли, негры или латиноамериканцы – смотреть на бесплатных сеансах собранные ею, Соникой Бо, фильмы в детском киноклубе “Золушка” на базе, созданной ею же Синематики детских фильмов! Каким счастьем светились глаза больных болезнью Дауна детишек во время этих просмотров! Какое трогательное письмо написал ей в 1960 году – ей, атеистке! – святой отец из Венесуэлы в память о довоенных детских своих просмотрах на Елисейских полях. Еще до падения Парижа, ведь “Золушка” была создана в 1933 году!

“А как оценивают сейчас в России “Летят журавли?” – спрашивала вдруг она со свойственной ей авторитарностью про свой любимый фильм. “Так же, как и тогда”, – лепетал я. И вопрос, бесспорно, был лучше ответа.

Это мне надо было спрашивать про ее гран-гала на первых Каннских, на послевоенных Венецианских, да и на Московских кинофестивалях. Не почетными дипломами и призами (хотя и они дорогого стоят), а детской любовью были обеспечены эти ее показы детских же фильмов на протяжении многих лет. Но Соника Бо крепко держала бразды разговора. Она, бесспорно, лидер за любым столом, тамада в любом застолье. Даже и без выпивки.

Пробудь мы дольше, мы услышали бы подробности ее отъезда – с Украины ли, России ль, из СССР? А может, стоило именно не расспрашивать, не искушать ей присущую откровенность? И уж совсем неудобно было спрашивать, а сколько ей...

“Мне 91 год, а я все живу!” – и без вопроса заявила Соника Бо тоном, не терпящим ничьих возражений. Да, воздух начала века был именно таким – замешанных тогда на нем уже ни с кем не перепутать.

“На днях мне позвонит моя дочь, в апреле ей исполнится 70 лет, и спросит, почему я ее не поздравляю. А я ей отвечу – не я тебя поздравлять, а ты меня благодарить должна за то, что я подарила тебе жизнь!” Нет, их не только нельзя перепутать с кем бы то ни было, даже XX век не в силах был их изменить.

Стоя так же в оконной раме – не принаряженная, а специально эффектно нарядившаяся для встречи с нами, – Соника Бо выкрикивала на прощанье: “Спасибо!.. Спасибо!..”. Прохожие по рю Берто Дюма в испуге шарахались от ее окна.

P.S. Вспомнилось, что в таком же парижском предместье – пусть не в Нейи, а в Ванве – шестьдесят лет тому назад Марина Цветаева написала отходную предыдущему поколению – “Отцам”, увенчав и свои стихи, и само поколение словами:

“...Уходящая раса,
Спасибо тебе!”

● Соника Бо. 1967 г.
● Соника Бо и Валерий Босенко в Париже. 1997 г.